

УДК 821.161.1.09“1917/1991”

DOI 10.25688/2076-913X.2019.34.2.05

П.Л. Микурова,
И.И. Матвеева

Тема творчества в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1930–1940-х гг.

В статье анализируется переписка Б. Пастернака и О. Фрейденберг в сложный исторический период 1930–1940-х гг., проводится мысль о приоритете в ней темы творчества, намечаются основные этапы эволюции. Для Пастернака творчество на протяжении двух десятилетий все более осознавалось как спасение от жизненных невзгод, а затем и от смерти и забвения. Аналогичная эволюция происходит и у О. Фрейденберг. В статье делаются выводы о большой внутренней работе участников переписки и высокой степени их духовной близости.

Ключевые слова: эпистолярный; творческие контакты; «Доктор Живаго»; литературная жизнь.

Переписка Б.Л. Пастернака и О.М. Фрейденберг велась на протяжении всей творческой жизни обоих адресатов, однако доступна в полном объеме стала лишь в 1990-е гг., после выхода Полного собрания сочинений Б. Пастернака в 2003–2005 гг., где в нескольких томах опубликованы все письма поэта¹. Письма двоюродных брата и сестры — поэта Б. Пастернака и ученого-филолога О. Фрейденберг — занимают в опубликованной переписке особое место. Разные по темпераменту, интересам, но воспитанные одной средой, адресаты касались самых разных тем: семейной, любовной, социальной, историко-культурной и т. д. Но одной из важнейших была тема творчества, интересная обоим как с человеческой, так и с профессиональной точки зрения.

Наследию Б. Пастернака, а в последние годы и О. Фрейденберг посвящено довольно много исследований. Однако в большинстве из них анализируются научные труды О. Фрейденберг, роман «Доктор Живаго», изучается переписка Пастернака с Е. Лурье, З. Пастернак, М. Цветаевой, Р.-М. Рильке. Среди исследователей, занимавшихся эпистолярием Пастернака и Фрейденберг, следует

¹ Впервые переписка Б. Пастернака и О. Фрейденберг опубликована в 1981 г.: *Борис Пастернак. Переписка с Ольгой Фрейденберг* / под ред. и с коммент. Э. Моссмана. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1981. VII. 377 с. На родине первая публикация состоялась в 1988 г.: Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания // Дружба народов. 1988. № 7–10.

назвать Л.Я. Гинзбург [4], Н.В. Кожевникову [6], Б.М. Гаспарова [3], Н.В. Брагинскую [2], А.Ю. Сергееву-Клятис [11], К.Д. Поливанова [10], Н.А. Фатееву [12], Н.Б. Иванову [5], Н.Ю. Костенко [7], Ю.В. Макаркину [8], А.Е. Москалеву [9], А.И. Шмаину-Великанову [13] и др. Однако до сих пор в работах, посвященных Пастернаку и Фрейденберг, мало внимания уделялось тематической систематизации их переписки, выделению ее центральных тем. Между тем научное осмысление эпистолярия Б. Пастернака и О. Фрейденберг дает возможность лучше понять деятельность каждого из этих чрезвычайно талантливых людей, историко-литературный процесс в целом.

Цель настоящей статьи — определить место и значение темы творчества в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1930–1940-х гг., выявить отношение адресатов к творчеству, проследить эволюцию данной темы. Избранный период интересен в силу того, что это были тяжелейшие для страны годы, когда многие люди были вынуждены думать о физическом выживании. Тем интереснее диалог Пастернака и Фрейденберг, пытавшихся творчески и философски осмыслить тяжелые перемены в жизни.

В письмах Б. Пастернака и О.М. Фрейденберг проявился особый тип общения, соединивший бытовое и профессиональное, частное и общественное. Мысли, фразы корреспондентов насыщены эмоционально, интеллектуально, творчески. В случае Пастернака, как тонко подметила Л. Гинзбург, следует говорить о «специфически пастернаковском поэтическом мышлении» [4, с. 9], в котором на равных правах живет «и философская речь, и повседневная, и поэтические образы, и такие излюбленные Пастернаком *неподходящие* <...> слова (курсив Л. Гинзбург. — П. М., И. М.)» [4, с. 6].

К началу 1930-х гг. Пастернак уже сформировал собственную философию творчества как спасения от невзгод жизни. В это время в отечественной культуре происходили серьезные изменения, от писателя требовалось воспевать революцию, и лирики находились в сложном положении. В письмах к кухне Пастернак говорил о моральном застое, мешавшем ему писать, бытовых трудностях, но никогда — о бессмысленности самого искусства. Он мечтал «обо всем забыть и удрать куда-нибудь на год, на два» [1, с. 143]. В ответных письмах О. Фрейденберг делилась радостью от перспектив, открывшихся перед ней после получения должности заведующего кафедрой классической филологии Ленинградского государственного университета (1932). В письмах она рассказывала брату о работе над своим главным трудом — книгой «Поэтика сюжета и жанра» и особенностях преподавательской деятельности, присылала свои научные труды. После их прочтения Пастернак восторженно признавался в том, как близки ему мысли сестры («Страшно близкий мне круг мыслей <...> О принципиальном символизме всякого искусства думал сам <...> И как удачно ты себя формулируешь...» (<21.X.1932>)) [1, с. 137].

Между тем сам Пастернак в это время не имел возможности систематически заниматься литературным трудом. Загруженный общественной работой, поездками, переводами, семейными проблемами, он мечтал об уединении.

В письме от 30 октября 1934 г. Пастернак признавался: «Страшно работать хочется. Написать бы наконец впервые что-нибудь стоящее, человеческое, прозой, серо, скучно и скромно, что-нибудь большое, питательное» [1, с. 143]. Эта же мысль настойчиво повторяется и в других письмах.

Пастернак искренне радовался успехам сестры, видел в ее научных трудах яркое творческое начало: «...ты выходишь с совершенно своею точкой зрения, с *произведением* (курсив Б. Пастернака. — П. М., И. М.)» [1, с. 152]. Вот почему травлю Фрейденберг в печати² он воспринял очень лично. Поэт с горечью говорил о царящем в науке и искусстве формализме и, очевидно, желая успокоить сестру, приводил в пример знаковые фигуры эпохи, пострадавшие от классового подхода к искусству, таким образом ставя Фрейденберг в один ряд с В.Э. Мейерхольдом, М.А. Булгаковым, Д.Д. Шостаковичем. Стоит отметить, что Пастернак презирал приспособленчество в творчестве и старался по возможности помогать попавшим под «молох» партийной критики. Когда угроза нависла над Фрейденберг, поэт написал письмо Н.И. Бухарину, которого уважал и на которого возлагал надежды, связанные с демократизацией страны. Однако письмо до адресата не дошло, а избавление от репрессий и добро на дальнейшие исследования Фрейденберг получила от замнаркома просвещения Б.М. Волина.

В предвоенный период Пастернак рассматривал творчество как главную составляющую человеческого бытия. Свои эмоции писатель иллюстрировал рассуждениями о пользе плодотворной интеллектуальной работы: «...ни с чем не сравнимое наслаждение читать вслух без купюр... три часа находишься в сферах, знакомых по рождению и первой половине жизни, а потом в изнеможении от потраченной энергии падаешь неведомо куда, “возвращаешься к действительности”» [1, с. 166]. Выздоровев после перенесенной травмы спины, приковавшей Пастернака к постели на долгое время, он радовался простым вещам: физической работе в огороде, сделанным продуктовым запасам, рассуждал о преимуществах жизни на лоне природы: «Какая непередаваемая красота жизнь зимой в лесу, в мороз, когда есть дрова. Глаза разбегаются, это совершенное ослепленье» [1, с. 171]. В его посланиях сестре не перестает звучать тема будущей большой работы, которую ему необходимо сделать. И хотя путь к роману «Доктор Живаго» был еще долог, но мысли о нем уже захватили Пастернака в 1940 г.

Творческой одушиной поэта накануне войны стал перевод «Гамлета» для Александринского театра. Своей радостью от этой работы он поспешил поделиться в письме, датированном 4 февраля 1941 г.: «Ты получишь журнал с Гамлетом <...> Мне страшно бы хотелось, чтобы он понравился тебе и маме, и хотя я знаю, чем он вам не понравится, и хотя именно эти резкости

² Поводом к травле стало осуждение научной деятельности О. Фрейденберг в русле борьбы с марризмом — учением о языке, разработанным Н.Я. Марром, которое утверждало классовую сущность языка и предрекало появление языка коммунистического общества.

или странности сглажены в редакции, предназначенной для Гослитиздатовского издания (но не для МХАТа!), и я мог бы дождаться его выхода, я послал тебе именно этот первоначально вылившийся и, по мнению некоторых... неудачный вариант» [1, с. 175]. Несомненно, что Фрейденберг высоко ценила поэтический талант Пастернака и ждала от него большой работы. Возможно, поэтому ей не понравился его перевод «Гамлета». Свою позицию и отношение к таланту брата она проявила в летнем письме 1942 г.: «Мне стало печально... пусто, но не за себя, а за тебя. <...> Это ли жизнь для тебя, когда тебе ничего не надо, кроме самовыраженья, а его-то надо занафталинить до будущего сезона, — и тяжело, и страшно» [1, с. 195–196]. Ольга Михайловна поддерживала брата, внушала мысль о его духовных силах, о том, что участвовавшие депрессии, минуты слабости — это только «снежный покров, под которым вызревает плод» [1, с. 196]. «Ты — донор, — писала она. — Полежишь на кушетке, иссякший — и к вечеру восстановишься» [1, с. 196].

Война не отодвинула тему творчества в переписке Пастернака и Фрейденберг на второй план, наоборот — сделала более осязаемой. Оба сообщали о своих планах, радостях и трудностях этой суровой поры: например Фрейденберг рассказывала о работе в промерзшем блокадном Ленинграде, Пастернак — о попытках выразить в правдивом слове размышления о войне. Летом 1944 г. Ольга Михайловна получила от брата нерадостное письмо, в котором он сообщал, что вновь вынужден заниматься переводами, что «центр притяжения» все тот же — Шекспир, но писательство заброшено. По этой причине вечный оптимист Пастернак был охвачен отчаянием: «Горе мое не во внешних трудностях жизни, горе в том, что я литератор, и мне есть, что сказать, у меня свои мысли, а литературы у нас нет и при данных условиях не будет и быть не может» [1, с. 211].

Впрочем, Пастернак быстро абстрагировался от всего, мешающего творить, и, напротив, сигналы, посылаемые судьбой, умело прочитывал и использовал как катализатор литературной работы. Это понятно по содержательному письму от 21 июня 1945 г., которое, на наш взгляд, свидетельствует об эволюционной ступени в понимании писателем ценности творчества. Поводом для размышлений об искусстве стала смерть отца — Л.О. Пастернака. В письме Б. Пастернак говорил о нем в первую очередь как о человеке искусства, именно талантом измеряя масштаб его личности. Сравнивая себя с отцом, он намеренно принижал себя: «Каким потрясающим сопровождением стоит всегда предо мной и следует при мне его ошеломляющий талант... его богатая, гордо сосредоточенная, реальная, по-настоящему прожитая жизнь, и как... посрамляет и уничтожает это сравнение меня» [1, с. 214].

Смерть отца заставила Пастернака серьезно задуматься о конечности жизни и по-иному взглянуть на свое поприще. В 1946 г. он написал Фрейденберг о начале работы над большой прозой, классической по форме, но новой по содержанию и степени откровенности перед собой, читателем, историей. На этом фоне особенно горько прозвучал ее ответ, из которого Борис Леонидович узнал

о новом витке интриг в университетском окружении Фрейденберг. Но тема творчества вдохновила Ольгу Михайловну, вселила надежду на будущие успехи — свои и брата. В его статье «Заметки о переводе шекспировских драм» она увидела «дыхание больших мыслей» и путь «напролом в историю». «Сказать о Шекспире — это отчитаться в прожитой жизни, встрясти молодость, высказать поэтическое и философское credo» [1, с. 226], — подытожила она его творческий подвиг, связанный с переводами Шекспира.

Следующий год для Пастернака и Фрейденберг едва ли был удачен в творческом отношении. Ее выступление на ежегодной научной сессии ЛГУ положило начало работе, посвященной происхождению греческой лирики и творчеству Сафо. И хотя она не сомневалась в перспективности этих научных изысканий, но опасалась противодействия литературных сановников, которые в это время инициировали нападки на Пастернака. Так, 21 марта вышла статья А.А. Суркова «О поэзии Бориса Пастернака», где поэт обвинялся в оторванности от социальной действительности. Пастернак ожидал ареста, о чем спокойно сообщал в своих письмах сестре и отмечал, что не боится будущего. Фрейденберг, ранее пережившей арест и гибель брата Александра, оставалось верить в счастливую судьбу своего гениального брата.

А Пастернак с лета 1947 г. словно обрел крылья. Работа над романом «Доктор Живаго» дала силы, захватила, стала смыслом жизни. Его письма этого периода зазвучали в иной, чем прежде, тональности: все его бытие теперь было подчинено роману — «последнему счастью» и «безумью», как называл он его в письмах. Чуткая Фрейденберг уловила изменения («От твоего лица и мысли идет что-то серьезное») и мужественно просила не тратить душевных сил на длинные письма к ней. Вскоре в переписке кузенов наступило длительное затишье: Пастернак эмоционально полностью отдавал себя творчеству и встречам с О.В. Ивинской — последней музой поэта. В июньском письме 1948 г. он выразил встревоженность молчанием сестры и, оправдываясь, говорил о том, что кузина как никто понимает его, надеялся, что она молчит, давая время на написание романа.

Пастернак понимал, что «Доктор Живаго» вряд ли будет опубликован, что это «начинание совершенно бескорыстное и убыточное, потому что он для текущей современной печати не предназначен» [1, с. 246]. Тем не менее он упорно работал, стремясь выразить в нем себя для самых дорогих ему людей: «...я совсем его не пишу, как произведение искусства, хотя это в большем смысле беллетристика, чем то, что я делал раньше. <...> Есть люди, которые очень любят меня (их очень немного), и мое сердце перед ними в долгу. Для них я пишу этот роман, пишу как длинное большое свое письмо...» [1, с. 246]. Из переписки второй половины 1940-х гг. становится ясно, что Пастернак решил давать рукопись для чтения близким людям и называл роман нравственной мезью за всех поруганных, уничтоженных и оболганных эпох.

К сожалению, 1948 г. ознаменовался новым витком травли О. Фрейденберг, который проходил в русле борьбы с космополитизмом. Стилистика ее писем говорила Пастернаку, что дела сестры плохи. Она сетовала на невозможные условия работы, готова была оставить преподавательскую и научную деятельность. Одновременно с письмом-утешением Б. Пастернак отправил сестре рукопись готовой части романа «Доктор Живаго», прочитав который, Фрейденберг высказала глубокие суждения о нем и как литературовед, и как человек, близкий писателю по духу. Она сравнила роман с книгой Бытия, отметила его грандиозность и философскую глубину. По ее мнению, роман — «это жизнь — в самом широком и великом значении» (письмо от 29 ноября 1948 г.) [1, с. 250]. Как о главном потрясении при чтении О. Фрейденберг сказала, что роман почти открывает «конечную тайну», которую каждый носит внутри себя. Однако, по ее мнению, никакой роман не в состоянии раскрыть ее, поскольку в задачи истинного произведения искусства это не входит.

Любящим сердцем женщины и сестры О. Фрейденберг уловила в тексте потаенные мысли и чувства автора, его страх смерти: «...ты боишься смерти, и... этим все объясняется — твоя страстная бессмертность, которую ты строишь как кровное свое дело» [1, с. 251]. В романе ей открылось то понимание жизни, которое было близко и ей: «Много близкого, родного, совершенно своего <...> Но я под родным и семейным... разумею великое, транспонированное в частное» [1, с. 251].

В ответном письме от 30 ноября 1948 г. Б. Пастернак туманно писал по поводу «страха смерти», якобы присутствующего в романе: «Это не страх смерти, а сознание безрезультатности наилучших намерений и достижений...» [1, с. 251–252]. Очевидно, он хотел, но не смог коротко высказать мысль о творчестве как спасении от смерти, но всем текстом своего романа он донес ее до каждого вдумчивого читателя. По своему обыкновению принижая себя и рассуждая о скромности своих литературных данных, он все же написал о своем горячем желании высказать о Жизни и Времени все накопившееся в душе. В который раз он поднял волновавшую его тему поэта и толпы, рассказал о своих нравственных страданиях от признанности на Западе и непонятной глухоты соотечественников.

Конец 1940-х гг., несмотря на многочисленные жизненные невзгоды, смерти близких людей, был плодотворным для Пастернака и Фрейденберг. В письмах они делились глубокими и выстраданными размышлениями об искусстве, радуясь сходству своих представлений о нем. Примечательно, что, рассуждая о писательском долге, Пастернак порой использовал образы из романа: «Жизнь уже не принадлежит мне, а какая-то сказавшаяся, уже оформившаяся роль. Ее надо достойно доиграть до конца» [1, с. 256]. Умудренные жизненным опытом, они вместе пришли к трезвому осознанию своего жизненного предназначения и долга перед ним, поэтому много работали, вкладывая в свой труд всю свою энергию и талант.

В заключение отметим, что переписка Б. Пастернака и О. Фрейденберг — ценное свидетельство о судьбах творческой интеллигенции, об эпохе, в которой

свободномыслящему человеку было чрезвычайно трудно реализоваться. Непрестанно эволюционировавшая тема творчества в переписке брата и сестры была главной. От поисков компромиссов 1930-х гг. и попыток выйти из них с минимальными потерями в творчестве они пришли к концу 1940-х к бескомпромиссности и ясному пониманию его наиважнейшей роли в своей жизни. Тема стала связующим звеном в общении двух великих личностей, сквозь призму ее они размышляли о литературной политике, истории и современности, наконец, о смысле жизни. Высокая степень взаимопонимания между участниками переписки базировалась на общности мировоззрений, близости взглядов на искусство, убежденности в особой миссии поэта и ученого. Без пафоса и высоких слов в своих письмах, обращенных друг к другу, они утверждали приоритет духовности в жизни интеллигенции и ее долг проповедовать законы нравственного бытия.

Библиографический список

Источники

1. Переписка Бориса Пастернака / сост. Е.Б. Пастернак, Е.В. Пастернак. М.: Худ. лит., 1990. 576 с.

Литература

2. Брагинская Н.В. «У меня не жизнь, а биография...» // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 4 (25). С. 11–38.

3. Гаспаров Б.М. Поэтика Пастернака в культурно-историческом измерении (Б.Л. Пастернак и О.М. Фрейденберг) // Сб. статей к 70-летию Ю.М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 366–384.

4. Гинзбург Л.Я. Письма Бориса Пастернака: вступ. ст. // Переписка Бориса Пастернака / сост. Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернак. М.: Худ. лит., 1990. С. 3–12.

5. Иванова Н.Б. Борис Пастернак. Времена жизни. М.: Время, 2007. 470 с.

6. Кожевникова Н.В. Как древний эпос: О письмах и взаимоотношениях людей исчезнувшей навсегда страны / рец. на кн.: Пожизненная привязанность: переписка с О.М. Фрейденберг. М., 2000 // Независимая газ. 2001. 25 окт. С. 12.

7. Костенко Н.Ю. «Я не нуждаюсь ни в современниках, ни в историографах»: история архива Ольги Фрейденберг // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 4 (25). С. 117–127.

8. Макаркина Ю.В. Эпистолярное наследие Б. Пастернака: композиционно-коммуникативные особенности и концептуальное содержание: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2000. 205 с.

9. Москалева А.Е. Метафоры творчества в лирическом дискурсе Б.Л. Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008. 201 с.

10. Поливанов К.Д. Пастернак и современники. Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2006. 267 с.

11. Сергеева-Клятис А.Ю. Пастернак в жизни. М.: АСТ, 2015. 560 с.

12. Фатеева Н.А. Поэт и проза: книга о Пастернаке. М.: НЛЮ, 2003. 400 с.

13. Шмаина-Великанова А.И., Брагинская Н.В. Сестра. Переписка Ольги Фрейденберг и Бориса Пастернака // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 4 (25). С. 99–116.

References

Istochniki

1. Perepiska Borisa Pasternaka / sost. E.B. Pasternak, E.V. Pasternak. M.: Xud. lit., 1990. 576 s.

Literatura

2. *Braginskaya N.V.* «U menya ne zhizn', a biografiya...» // Vestnik RGGU. Ser.: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie. 2017. № 4 (25). S. 11–38.

3. *Gasparov B.M.* Poe'tika Pasternaka v kul'turno-istoricheskom izmerenii (B.L. Pasternak i O.M. Frejdenberg) // Sb. statej k 70-letiyu Yu.M. Lotmana. Tartu, 1992. S. 366–384.

4. *Ginzburg L.Ya.* Pis'ma Borisa Pasternaka: vstup. st. // Perepiska Borisa Pasternaka / sost. E.V. Pasternak, E.B. Pasternak. M.: Xud. lit., 1990. S. 3–12.

5. *Ivanova N.B.* Boris Pasternak. Vremena zhizni. M.: Vremya, 2007. 470 s.

6. *Kozhevnikova N.V.* Kak drevnij e'pos: O pis'max i vzaimnosheniyax lyudej ischeznuvshej navsegda strany' / rec. na kn.: Pozhiznennaya privyazannost': perepiska s O.M. Frejdenberg. M., 2000 // Nezavisimaya gaz. 2001. 25 okt. S. 12.

7. *Kostenko N.Yu.* «Ya ne nuzhdayus' ni v sovremennikax, ni v istoriografax»: istoriya arxiva Ol'gi Frejdenberg // Vestnik RGGU. Ser.: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie. 2017. № 4 (25). S. 117–127.

8. *Makarkina Yu.V.* E'pistoljarnoe nasledie B. Pasternaka: kompozicionno-kommunikativny'e osobennosti i konceptual'noe sodержanie): dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 2000. 205 s.

9. *Moskaleva A.E.* Metaforj tvorčestva v liricheskom diskurse B.L. Pasternaka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2008. 201 s.

10. *Polivanov K.D.* Pasternak i sovremenniki. Biografiya. Dialogi. Paralleli. Prochte-niya. M.: Izd-vo GU VSHE', 2006. 267 s.

11. *Sergeeva-Klyatis A.Yu.* Pasternak v zhizni. M.: AST, 2015. 560 s.

12. *Fateeva N.A.* Poe't i proza: kniga o Pasternake. M.: NLO, 2003. 400 s.

13. *Shmaina-Velikanova A.I., Braginskaya N.V.* Sestra. Perepiska Ol'gi Frejdenberg i Borisa Pasternaka // Vestnik RGGU. Ser.: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie. 2017. № 4 (25). S. 99–116.

P.L. Mikurova,

I.I. Matveeva

**Theme of Creativity in B. Pasternak's Correspondence with O. Freudenberg:
1930–1940**

The article studies the correspondence of Pasternak's with O. Freudenberg following the challenging historical period of the 1930s-40s. The article regards the theme of creativity as paramount in the abovementioned letters as well as outlines the main stages of its evolution. For two decades Pasternak regarded creativity mainly as salvation from life's blows, and later from death and oblivion. A similar evolution of concept is represented in O. Freudenberg's letters. The article draws conclusions concerning the great internal efforts of both correspondents and the high degree of their spiritual affinity.

Keywords: epistolary; creative contacts; «Doctor Zhivago»; literary life.